

Елена ДУБРОВИНА. «Я не люблю людей». По страницам поэзии первой волны эмиграции

*«Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рождён для света
И не умею жить среди людей».*

Михаил Лермонтов

История поэзии первой волны эмиграции — одна из наиболее драматических страниц русской зарубежной литературы. Поэт всегда был жертвой времени. Творчество его являлось отражением того мира, в котором пребывала душа поэта. Русский философ Николай Бердяев писал, что поэзия XX века была поэзией «заката, конца целой эпохи, с сильным элементом упадничества». Рано ушедший из жизни поэт Владимир Диксон выразил суть страданий русского поэта такими строчками:

*Давно без Родины живем,
Забыты там, и здесь — чужие,
Горим невидимым огнем,
Не мертвые и не живые.*

Эмоциональная и мыслительная ткань поэзии русской диаспоры многоспектральна, так как жизненный путь поэта первой волны был цепью нескончаемых трагических событий. Русская революция, Первая мировая война — личное участие в этих страшных событиях, трудности эмиграции — всё это наложило тяжелый отпечаток на душевное состояние многих литераторов русской диаспоры, и положило начало более глубокому осмыслению жизни и формированию нового мировоззрения. В душе поэта происходил «высочайший кризис». «Стихи — это загробная жизнь чувств», — такую запись оставил в 1928 году в своем дневнике Борис Поплавский, определив, таким образом, состояние эмигрантской поэзии. Поэту нужно было время, чтобы приспособиться к окружающему обществу. В новых условиях шел процесс самоидентификации не только в творческом плане, но и в плане личностном.

Тема «я не люблю людей» стала неким лейтмотивом эмигрантской поэзии. Это состояние — результат негативного жизненного опыта в совокупности с высокой эмоциональной обостренностью, имеет свое название — мизантропия, т.е. нелюбовь к людям. Тема эта не новая, и корни ее уходят вглубь русской поэзии: «Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей», — говорит Пушкин устами Евгения Онегина. Однако в условиях эмиграции эта тема звучала иначе. Отрицание окружающей жизни явилось формой психологической защиты, а изоляция от мира — формой существования. Корни такой нелюбви лежат в глубине их собственного опыта. Так у поэта Владимира Смоленского на его глазах расстреляли отца. Отец поэта Николая Воробьева в Гражданскую войну был растерзан толпой, мать умерла в тюрьме. У поэта Ивана Савина погибла в Гражданскую войну почти вся семья. У каждого из них была своя жизненная причина и поэтическая правда. Для Зинаиды Гиппиус, много рассуждавшей на эту тему еще до эмиграции, такое состояние казалась страшнее одиночества:

А самое страшное, невыносимое, —
Это что никто не любит друг друга...

Переход из старого мира, из той жизни, где были благополучие, дом, семья, счастливое детство и юность, в мир новый, чужеродный, не желающий принять в свои объятия чужестранцев, постоянная борьба не только за духовное, но и материальное выживание, приводят поэта к состоянию упадка, ощущению безнадежности. «Но кто поймет? И кто услышит? / Я в темной пропасти забыт», — восклицает в 1922 г. забытый всеми в эмиграции К. Бальмонт

Творчество как бы сопровождается «умерщвлением» положительных эмоций. В таких условиях духовного и душевного переосмысления жизненной трагедии наступает период, когда в поэзии снова звучали декадентские мотивы. Поэт замыкается в себе, осмысляя в одиночку пережитое. Его поэзию пронизывают нигилистические настроения, презрение к людям, к тому новому, что его окружает, так как нет больше надежды на будущее, некому протянуть руку помощи, нет веры в Бога, то есть, в широком смысловом значении, в

данном случае мизантропия напрямую связана с нигилизмом. Именно нигилизм характерен тем, что, прежде всего, он основан на отрицании веры, метафизического мира и Бога. Помните у Георгия Иванова?

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.

Таким образом, напрашивается вывод, что нигилизм отрицает Истину, Бога, и при этом, поэт, отдаляясь от людей, перечеркивает связь не только со своим прошлым, будущим, но и с настоящим. Это приводит к тому, что он как бы окунается в пустоту, как внутреннюю, так и внешнюю. «И демон пустоты меня, скитальца, гложет, / И хочется уйти за жизненный рубеж», — писал рано погибший поэт Илия Британ, в стихах которого можно часто найти и лермонтовские мотивы: «Люблю я... Но кого — мой ум решить не может». В творчестве поэта-эмигранта его лирический герой, перенеся страшную трагедию своего поколения, глубоко переживает оторванность от родины, не может ни духовно, ни физически сразу приспособиться к новым эмигрантским условиям. В поэзии зазвучали интонации, близкие к философии Ницше, который в своих учениях провозглашал, что Бог умер, мы стоим над бездной, перед нами открывается только пустота. «Все пустота. Все темнота. Все лед. / И жалок твой мучительный полет», — напишет незадолго до гибели поэт Борис Вильде. Философская мысль Ницше отразилась и в поэзии Татьяны Штильман, сестры поэта Юрия Мандельштама, погибшего в 1943 г. в Освенциме:

В часы ночные страшной пустоты
Я слепну от щемящего бездумья.
Все — для тебя, но разве знаешь ты
Мрак моего высокого безумья.

Это ощущение «безумья» и внутренней пустоты можно оправдать: прошлое расстреляли в семнадцатом году, будущее было неясным, а настоящее — это эмиграция, которая создала свой быт — «тяжкий, вне законности и одиночества». Особенно тяжело переживала эмиграцию Марина Цветаева:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно —
Где — совершенно одинокой...
.....
Мне все равно, каких среди
Лиц ошестиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

Мизантропия и одиночество — два фактора, которые привлекали внимание и обсуждались философами XX века. Есть много путей преодоления одиночества. Закрывшись в своем собственном узком мире, поэт находится в стороне от общего литературного процесса, от той живой почвы, которая питает корни его творчества. Человек может стремиться уйти от этого состояния не столь через жизнь в «коллективном сознании», сколь через познание или через изменение своего «я». Познание самого себя через одиночество стало углубленной концепцией, которая нашла свое отражение в литературном творчестве. Часто именно в часы такого уединения у поэта наступало прозрение и приходило вдохновение.

Заветные часы уединенья!
Ваш каждый миг лелею, как зерно;
Во тьме души да прорастет оно
Таинственным побегом вдохновенья.

В. Ходасевич

Юрий Мандельштам указывал на то, что одиночество — удел почти всех выдающихся творческих натур. Его мысль легко подтвердить, исследуя творчество поэтов первой волны. Особенно ярко эта тема была выражена в поэзии Владимира Смоленского, Георгия Адамовича, Юрия Терапиано, Довида Кнута и др. Внутренне одиночество многие отождествляли со свободой — жизнью вне общества и вне закона. В стихотворении З. Гиппиус «Пруд» она так выразила эту мысль:

И слышу, кто-то шепчет мне:
«Скорей, скорей! Уединенье,
Забвение, освобожденье —
Лишь там... внизу... на дне... на дне...»

Однако известный немецкий философ Эрих Фрумм писал, что «...человека страшит одиночество. А из всех видов одиночества страшнее всего одиночество душевное». Мы знаем о том, что душа человека метафизична, мистична, загадочна и сверхъестественна. Таким образом, душевное одиночество, нигилизм может стать для них тем толчком, который поможет им заново познать самих себя, и обрести понимание метафизической ценности в оценке человека и окружающего мира. Никакой опыт не проходит бесследно. Как писал Юрий Мандельштам, «человеческий опыт, не доктрина, а реальное преобразование». Путь к углубленному творчеству лежит через пережитые страдания, через неблагополучие. Чтобы встать на твердую почву, поэту надо было сначала почувствовать под ногами бездну. И только познав «бездну», он может проснуться от страшного сна. И тогда творчество его окрашивается личным глубоким переживанием, эмоционально затрагивающим душу читателя, который прошел такой же жизненный путь, как сам поэт. Ведь любому творцу нужен живой, творческий контакт с людьми такого же внутреннего

направления. Человек не может существовать долго в полной изоляции, как внутренней, так и внешней — его, рано или поздно, влечет к другому «я», к тайному окну в иной, непознанный мир, к Богу. И, таким образом, общение с окружающим миром, творчество, не ненависть, а любовь, не только к «ближнему своему», но и к Богу могли помочь человеку выйти из состояния отрицания, из замкнутого пространства, в котором он оказался волею судьбы. «Не презирай людей! Безжалостной и гневной / Насмешкой не клейми их горестей и нужд», — восклицает Д. Мережковский в поисках своей истины. Чтобы выстоять, нужны были воля и вера, нужен был тот свет, который бы показал путь к истине. Этим светом явилась вера в Бога.

И Ты открылся мне: Ты — мир.
Ты — все. Ты — небо и вода,
Ты — голос бури. Ты — эфир,
Ты — мысль поэта, Ты — звезда...

Дмитрий Мережковский

Творчество не может рождаться в вакууме. Еще Николай Бердяев писал о том, что личность есть духовное начало, предполагающее наличие другой личности и их общение: Бог-Отец предполагает личность Сына и Духа святого. Также и в бытие — личность не может быть постоянно замкнута в себе, она «по существу предполагает другие личности». Таким образом, нигилизм есть величина временная. От безверия в Бога путь лежит к Его признанию. Например, поэт Борис Поплавский в стихотворении «Молитва» в страшный час, в «бледную страшную ночь», когда «никто уж не в силах помочь», обращается не к друзьям, а к Богу:

Лучше сердце раскрою, увижу
Малoverье и тщетную тьму.
Осужу себя сам и унижу,
Обращусь беззащитно к Нему.

Особенно эта перемена была характерна для поэтов, так как наряду с негативным отношением к человеку, открылась для них в новой стране свобода творчества. Именно эти два компонента — негативизм, ставший причиной глубоких размышлений, и свобода творчества — привели поэтов первой волны к метафизической направленности поэзии. Сложившаяся сложная ситуация, в которой оказались эмигранты, не исключала нигилизма, мизантропии, но в то же время не исключала и веры в высшие силы, в Бога, которые давали им надежду и творческое вдохновение. Естественным разрешением внутренних конфликтов, отразившихся на духовном состоянии поэта, стало обращение к вере. Недаром Бердяев определил нигилизм как религиозный феномен, а одной из главных тем исследования русского философа Федора Степуна была именно тема отношения жизни и творчества.

И хотя эмигрантская поэзия была поэзией по сути своей декадентской — поэзией обреченности и безысходности, в конечном итоге, многие из них пришли к прозрению и религии. В предисловии к журналу «Мой дом», издававшемуся короткое время в Париже под редакцией Н.Берберовой, Д.Кнута, Ю.Терапиано и В.Фохта, они обращаются к русским зарубежным литераторам: «Пора литературе и критике вновь стать идейными, отбросив как нигилизм, так и эстетизм. На этих основаниях и строится Новый Дом». Даже если в этом построенном новом обществе — в «новом доме» — не иссякла тоска по России, и продолжали преобладать чувства одиночества, изолированности, отрешенности, отрицания и нелюбви к людям, то всё это поэзии не убило, а возродило ее новую форму — мистическую, метафизическую и онтологическую. Эмигрантская поэзия находится в глубоком контакте с метафизикой, сливается с нею. В поэзии намечается новый путь и новое направление:

У нас не такие дороги.
Совсем иные пути:
Вся наша надежда — в Боге,
Больше некуда нам идти.

Владимир Диксон

В 1925 году в газете «Возрождение» была напечатана статья Я. Н. Зеленкина, в которой он обратился к творческой молодежи с такими словами: «Нам нужны иные пути жизни и сознания, свободные от интеллигентского духовного нигилизма и беспредметно-сентиментальной мечтательности... В нас должно начаться творческое возрождение духа на основе восприятия истин живого христианства...»

Время уединения стало для многих поэтов возможностью не только мысленно вернуться в прошлое, но и понять настоящее, найти свое место в новом окружении- друзей, единомышленников, читателей. «Дай мне силы, Господь, моих братьев любить», — восклицает Д. Мережковский в стихотворении «И хочу и не в силах любить я людей!» Поиск своего «я», своего отношения к Богу и вселенной, осмысление нового метафизического подхода к литературе, к жизни — весь этот процесс требовал внутреннего осознания. Творческая мысль искала выхода из лабиринта, из пустоты, в которой они оказались волею судьбы и тогда на бумагу выливались вместе с болью не только потоки чувств, но и размышления о Боге, о сути своего земного существования. И не отрицание, а осмысление сложившегося положения рождало в их сердцах новый «немеркнущий» свет, новую серьезную эмигрантскую литературу.

И когда-нибудь скажут: «их время напрасно пропало,
Их судьба обманула, в изгнание спасения нет».
Да, конечно! Но все же прекрасное было начало —
Радость. Молодость. Вера. И в сердце немеркнущий свет.

Юрий Терапиано

ИЛИЯ БРИТАН

* * * * *

Тоска... Тоска... Тоска! О, Боже мой, доколе
Я буду под ярмом у этой ведьмы злой!..
Довольно! Много слёз и много, много боли
Изведала душа. Долой тоску, долой!..

Чего, не знаю сам, ищу я жадным взором,
Ловлю какой-то звук, а он давно погас;
Мне скучно меж людей, — внимая вашим спорам,
Я чувствую всегда, как я далёк от вас.

Люблю я ... Но кого — мой ум решить не может:
Себя я потерял в раздумье о себе ж,
И демон пустоты меня, скитальца, гложет,
И хочется уйти за жизненный рубеж.

И только иногда, в минуты вдохновенья
Богиня красоты мне родственно близка, —
А там опять идут позорные сомненья,
И властвует над всем тоска... тоска... тоска!

ПАВЕЛ БУЛЫГИН

И в жизни так: чем больше в ней страданья,
Тем бутафория у нас пошлей...
И простота лишь разве в умирающи.
Нет, нет, я не люблю людей!

ЗИНАИДА ГИППИУС

К ПРУДУ

Не осуждай меня, пойми:
Я не хочу тебя обидеть,
Но слишком больно ненавидеть,-
Я не умею жить с людьми.

И знаю, с ними — задохнусь.
Я весь иной, я чуждой веры.

Их ласки жалки, ссоры серы...
Пусти меня! Я их боюсь.

Не знаю сам, куда пойду.
Они везде, их слишком много...
Спускаюсь тропинкою отлогой
К давно затихшему пруду.

Они и тут — но отвернусь,
Следов их наблюдать не стану,
Пускай обман — я рад обману...
Уединенью предаюсь.

Вода прозрачнее стекла,
Над ней и в ней кусты рябины.
Вдыхаю запах бледной тины...
Вода немая умерла.

И неподвижен тихий пруд...
Но тишине не доверяю,
И вновь душа трепещет, — знаю,
Они меня и здесь найдут.

И слышу, кто-то шепчет мне:
«Скорей, скорей! Уединенье,
Забвение, освобожденье —
Лишь там... внизу... на дне... на дне...»

НАСТАВЛЕНИЕ

Молчи. Молчи. Не говори с людьми,
Не подымай с души покровы,
Все люди на земле — пойми! Пойми! —
Ни одного не стоят слова.

Не плачь. Не плачь. Блажен, кто от людей
Свои печали вольно скроет.
Весь этот мир одной слезы твоей,
Да и ничьей слезы не стоит.

Таись, стыдись страданья твоего,
Иди — и проходи спокойно.

Ни слов, ни слез, ни вздоха, — ничего
Земля и люди недостойны.

СТРАШНОЕ

Страшно оттого, что не живётся — спится.
И всё двоится, все четверится.
В прошлом грехов так неистово много,
Что и оглянуться страшно на Бога.

Да и когда замолить мне грехи мои?
Ведь я на последнем склоне круга...
А самое страшное, невыносимое, —
Это что никто не любит друг друга...

ЮРИЙ МАНДЕЛЬШТАМ

* * * *

Каждый человек сулит разлуку.
Страшно жить среди людей.
Не собрать мне воедино муку
По свету разбросанных друзей.

Голубеет небо надо мною.
Где еще прозрачней небосвод —
Над холодной северной волною,
Над волною Средиземных вод?

Я не знаю, кто уедет снова
И в какой стране, каким волнам
Часть души своей, живое слово,
С новым другом я отдам.

Я еще протягиваю руку,
Но не удержать души моей.
Каждый человек сулит разлуку.
Разве можно жить среди людей?

ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ

ИЗГНАННИКИ

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели,
Добро считали злом,
И мимо шли, и слез твоих не видели,
Назвав тебя врагом.

Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником
И, как волна морей,
Как туча в небе, одиноким странником,
И не иметь друзей.

Блаженны вы, бездомные, томимые
Печалью неземной,
Блаженны вы, презренные, гонимые
Счастливою толпой.

Прекрасна только жертва неизвестная:
Как тень хочу пройти,
И сладостна да будет ноша крестная
Мне на земном пути.

О, верь — твоё сокровище нетленное
Не здесь, а в небесах,
В твоём стыде — величье сокровенное,
Восторг в твоих слезах.

Умри, как жил,— лелея грезы нежные,
Не слыша дольних бурь,
И серафимов крылья белоснежные
Умчат тебя в лазурь.

* * * * *

И хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них; сердцу ближе друзей —
Звезды, небо, холодная, синяя даль
И лесов, и пустыни немая печаль...
Не наскучит мне шуму деревьев внимать,
В сумрак ночи могу я смотреть до утра
И о чём-то так сладко, безумно рыдать,
Словно ветер мне брат, и волна мне сестра,
И сырая земля мне родимая мать...
А меж тем не с волной и не с ветром мне жить,
И мне страшно всю жизнь не любить никого.

Неужели навек мое сердце мертво?
Дай мне силы, Господь, моих братьев любить!

НИКОЛАЙ ОЦУП

* * * * *

Страшно жить, не любя никого,
Но, быть может, страшнее всего
У высоких ночных фонарей
Проститутки с глазами детей.

«Подойди, молодой человек».
«Я с такими не знался... пока...»
Из-под темных измученных век
Подавляемой страсти тоска.

Не сегодня, так завтра, не тот,
Так другой, побледнев, подойдет
И обнимет в холодном раю
Ледяную невесту свою.

1922

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

ПОЭЗА КОРОЛЕВЕ

Моя ль душа, — душа не короля?
В ней в бурю, — колыханье корабля.
Когда же в ней лазорие и штиль,
Моих стихов классично-ясен стиль.
Тенденциозной узости идей,
Столь свойственных натуре всех людей,
Не признаю, надменно их презрев,
В поэзии своей ни прав, ни лев...
Одно есть убежденье у меня:
Не ведать убеждений. Не кляня,
Благословлять убожество — затем,

Дабы изъять его навек из тем...
Я не люблю людей, но я им рад,
Когда они мне рады — вот мой взгляд.
Не верю им и гордо, свысока,

Смотрю на них, к тому ж издалика.
Вступить в ряды людей — не мой удел,
Но вот я строй омаршить захотел, —
И я пою, движение любя;
Они идут, чем тешу я себя.
А стоит мне сильнее захотеть, —
И будут люди вечно жить и петь,
Забыв про смерть, страдания и боль:
Ведь я поэт — всех королей король!

ВЛАДИМИР СМОЛЕНСКИЙ

* * * * *

Проклясть глухой и темный мир,
Людей, и Ангелов, и Бога,
Мерцанье звезд, бряцанье лир,
Сиянье у ее порога
Проклясть, и ничего не мочь,
О, даже умереть не в силах!
Из смерти в смерть, сквозь бред, сквозь ночь,
Сквозь холод, что синее в жилах,
Сквозь страшные свои мечты...

* * * * *

Какое дело мне, что ты живёшь,
Какое дело мне, что ты умрёшь,
И мне тебя совсем не жаль — совсем!
Ты для меня невидим, глух и нём,

И как тебя зовут, и как ты жил
Не знал я никогда или забыл,
И если мимо провезут твой гроб,
Моя рука не перекрестит лоб.

Но страшно мне подумать, что и я
Вот так же безразличен для тебя,
Что жизнь моя, и смерть моя, и сны
Тебе совсем не нужны и скучны,

Что я везде — о, это видит Бог! —
Так навсегда, так страшно одинок.

<1930>

АГЛАИДА ШИМАНСКАЯ

* * * * *

Ничего нельзя доказать,
Никому не могу ответить,
Одиночество душит опять
Злые мысли и стены эти.

Стены каменные нужней
И печали и вдохновенья,
Но за что мне любить людей
И за чем мне искать смиренья?

Из окна подвального свет.
Там всю ночь копошатся крысы
Над мешками муки и риса.
В суете суеты сует.